

ПЕРЕВОДЫ

Бенно Верлен *

Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география

Предисловие автора к английскому изданию

Перевести текст – значит не только переложить его на другой язык, но и поместить в другой контекст, в другую традицию мышления. А для этого простого перевода недостаточно. Здесь требуется перенос аргументации из одного культурного пространства в другое. Но такое перемещение – не просто лингвистическое. Фактически я должен был бы переписать текст с новой целью. Это могло бы иметь то преимущество, что я иначе представил бы в нем те аспекты, которые вижу теперь по-другому. Но тогда была бы упущена возможность оживить культурную дискуссию между социальными учеными и географами немецкой и англосаксонской традиции. В своем настоящем виде данная книга представляет собой компромиссное решение этой дилеммы. Прежде чем рассмотреть изменения, внесенные в это английское издание, позволю себе коротко рассказать о его происхождении.

Когда в 1980 году я начал работать над «*Gesellschaft, Handlung und Raum*»¹, ситуация в социальной теории и социальной географии сильно отличалась от нынешней. Принципиальные споры тех лет, если вообще не прекратились, то коренным образом изменились по тематике. В 1980 году в социальных науках структурализм, марксизм и парсонсианство господствовали в теоретическом дискурсе. Мне было совершенно ясно, что нам нужна теория, позволяющая более точно описывать текущие социальные процессы и роль субъекта в этих процессах. И сегодня нам все еще требуется такое описание, хотя уже есть понимание вопросов, относящихся к «возвращению субъекта». Но, несмотря на такое понимание, все еще нет теории, толкующей о том, как может вновь появиться субъект. Я понимаю, что мои изначальные доводы касались именно этого вопроса, и я переписал английский вариант, имея это в виду.

Следует учитывать также и различия национальных контекстов. В немецко-говорящем мире в 1980 году географические споры велись преимущественно с позиций пространственного научного подхода. Его самый знаменитый сторонник – Дитрих Бартельс – разработал гораздо более замысловатый вариант, нежели англо-американские географы – Бунге, Берри и др. Берри не пошел дальше

* *Бенно Верлен* – профессор Института географии Иенского университета (Германия). Перевод сделан по: *Verlen. Society, Action and Space. L.:Routledge, 1993.*

¹ *Werlen, B. Gesellschaft, Handlung und Raum. Franz Steiner Verlag, 1987.*

© Бенно Верлен, 1993г.

© Перевод Баньковская С.П., 2001г.

© Центр фундаментальной социологии, 2001г.

неопозитивистского понимания науки. Бартельс же искал большего. Он стремился найти критически-рациональные основания географии как науки о пространственном в сочетании с общей теорией систем. Но из-за преувеличения значения пространства его концепция не смогла удовлетворительно показать, как надо анализировать момент пересечения субъективности, общества и пространства.

Закончив обширный проект по функционализму в социальных науках и социальной географии, я увидел основную проблему «социальной» географии (именно так мы называем ее в немецкой традиции)* следующим образом: географы принимают «пространство» или «ландшафт» как объект (иногда даже как причину, детерминирующую социальные процессы). Иногда они пытаются представить все человеческое существование в пространственных категориях.

Добавлю, что в немецком контексте «социальная география» имеет гораздо более разнообразные коннотации, нежели в англосаксонской традиции. С тех пор как Ганс Бобек и Вольфганг Хартке стали разрабатывать исследовательские понятия этой географической дисциплины в конце 40-х – начале 50-х, все теоретические споры о географии человека сконцентрировались на социальной географии. Этот термин замещает «культурную географию» и служит также ориентиром, до определенной степени, для географии экономической.

С самого начала все эти теоретические споры не смогли определить отношения между «субъективностью», «обществом» и «пространством». На первых порах в них главенствовала идея ландшафта как основного предмета исследования в географии. Бобек видел свою цель в том, чтобы классифицировать социо-географические группы как основных производителей формы ландшафта. Он хотел отыскать социально и пространственно очерченные единицы населения, чтобы объяснить форму данного ландшафта. Хартке тоже придерживался этого подхода, но не для объяснения ландшафта, а для объяснения пространственного разделения обществ. Здесь центральное понятие – «протяженность». По мнению Хартке, пространственное разделение обществ является выражением пространственной протяженности человеческой деятельности, направляемой одними и теми же ценностями и нормами. Поэтому первейшей целью социальной географии должно стать определение регионов человеческой деятельности, руководствующейся одинаковыми ценностями и нормами. Сегодня в англосаксонской географии, я думаю, наблюдается та же тенденция. Она находит свое выражение в стремлении отыскать пространственные разграничения социальных классов.

Немецкоязычные географические исследования получили свое последующее развитие с этих начальных позиций в конце 60-х – начале 70-х годов. В так называемой Мюнхенской школе географии идеи Бобека и Хартке были переосмыслены с позиций функционализма. Исходным пунктом для Мюнхенской школы, представленной Карлом Рупертом и Францем Шафером, послужило убеждение в том, что вся человеческая деятельность, имеющая значение для социальной географии, – не более, чем выражение семи основных потребностей. Они, в свою очередь, являются расширенной версией четырех ключевых функций, разработанных Ле Корбюзье для функционалистской архитектуры и городского планирования: «жилище», «труд», «обеспечивать», «просвещать», «излечивать», «транспорт» и «жизнь в сообществе». Эти категории были призваны найти ключ к пониманию ландшафтов, к анализу пространственного разделения обществ и основания для городского и регионального планирования, которое, таким образом, достигло бы пространственного равновесия функциональных возможностей. Поэтому эмпирическое исследование было

---

* В английском варианте – human geography. – Прим. перев.

ориентировано на отыскание особых «пространств действия» для каждой функции. Ныне в англосаксонской социальной географии эквивалентное этому исследовательское понятие основывается на идее поиска специфических «пространств действия» для данных социальных категорий.

Почти в это же время социальная и экономическая география Бартельса сосредоточилась на раскрытии законов пространственного распределения социальных фактов, управляющих человеческой деятельностью. Он предложил трехступенчатую исследовательскую программу, ведущую от пространственной локализации социальных фактов к формулированию регулярностей в функционировании социальных и пространственных систем. Здесь идея пространственного равновесия снова занимает центральное место. Но, как и со всеми остальными понятиями в социальной географии, человеческая деятельность и социальное не стали «предметом» исследования – им остается пространство. Субъективность, человеческая деятельность и социальные факты должны быть редуцированы к пространственным категориям.

Действия людей – это не просто функции или результаты воздействия таких факторов, как «пространство»; это и не просто ответные реакции на так называемую пространственную среду. У меня сложилось ясное впечатление, что любое научное объяснение, основанное на пространственном фетишизме или на преувеличении пространственного фактора в социальном мире, ведет к репрессивным дискурсам и к репрессивной политике. Однако остается вопрос: как можно дать объяснение человеческому субъективному действию, не пренебрегая пространственным измерением? Очевидно, что пространственное измерение имеет значение для социальной реальности, даже если, как я утверждаю, «пространство» не существует как объект или причина. Но как можно его рассматривать на теоретическом уровне?

В социальной науке есть четыре основных направления тематизации человеческой деятельности. Есть традиция, в которой, очевидно, «поведение» – центральное понятие: всякая деятельность направляется стимулом. Есть марксизм, сосредоточенный на соотношении «труд»/ «производство». Есть социологическая теория систем, основанная на положении о том, что общество состоит из совокупности подсистем различного рода деятельности. Наконец, есть теория действия, акцентирующая творческий аспект человеческой деятельности с помощью понятия интенциональности и отрицания причинной детерминации в естественнонаучном смысле. Объяснение социального процесса в теории действия формально. Поэтому это понятие может быть использовано в различных дисциплинарных областях – от социологии до экономики, права, психологии, социальной и культурной антропологии и т.п. Оно не ограничено одним специфическим типом деятельности, вроде «труда», или психологическими реакциями, вроде «поведения», оно не сводится к механистическому описанию социального мира, как в системной теории. В силу этих причин я и выбрал теорию действия для исследования социальной географии.

В начале 80-х годов Петер Седлачек, немецкий географ, написал статью о «социальной географии как науке о нормативном действии». Эта публикация подтверждала мои рассуждения. Теоретический подход Седлачека основывается на конструктивистской философии Эрлангенской школы, представленной Миттельштрассом, Лоренцем и Швеммером. Их целью является разработка метода для формулировки легитимированных норм действия в условиях демократии. Их заключительные выводы совпадают с хабермасовым понятием свободного от господства дискурса взаимного понимания. Исследователи должны, таким образом, участвовать в социальных процессах и помогать действующим (actor), или субъектам, как мы бы их назвали сегодня, находить адекватные средства для достижения (непроблематичных) целей с учетом существующих норм. Если же цели противоречат

друг другу, исследователи должны (в свободном от господства дискурсе) сформулировать нормы как стандарты для выбора между этими целями и обеспечить согласие между всеми сторонами конфликта. Седлачек применил этот метод к проблемам локализации, т.е. на уровне городского и регионального планирования. Пространственные образцы стали, с этой точки зрения, результатами и условиями действия.

Это, безусловно, важный шаг, отдаляющий нас от традиционного пространственного фетишизма. Но понятие действия у Седлачека слишком узко. Это можно объяснить тем, что он игнорировал социологические теории действия и интересовался больше экономической областью, нежели более обширной областью социальной географии. Кроме того, метод Седлачека исходит из довольно наивного взгляда на социальный мир; как я уже отметил, он занимает нормативную позицию еще до того, как проделана описательная и объяснительная работа.

С другой стороны, социальные ученые вообще не принимают «пространство» в расчет – таково было распространенное в то время мнение. Итак, проблема заключалась в том, как учесть и социальное, и пространственное, не впадая в пространственный фетишизм и не исключая пространственного измерения из социальной теории. Для меня поворотным пунктом этой дилеммы были, как ни удивительно, теории трех миров, по-разному разработанные Шюцем и Поппером. Пожалуй, более критическое внимание, чем где бы то ни было, теории Поппера и Шюца получили в немецкоязычном мире. Мое изначальное отношение к Попперу было весьма критичным. Я хотел использовать его, чтобы показать недостатки технократического пространственного подхода и ограничивающий взгляд социальных наук. Когда же я как следует прочитал его, мне открылся другой Поппер. Хотя его и использовали для оправдания пространственного фетишизма, на самом деле в его работах нет такого оправдания.

Шюц, как и его учитель Гуссерль, тоже был истолкован неверно. Представители гуманистической географии, которые в начале 80-х только начали занимать заметное место в теоретических спорах, пытались использовать феноменологию Шюца для поддержки бихевиоризма. Они продолжали рассуждать о пространстве в той же традиционной манере, даже решительно критикуя пространственный подход. Я считаю это одной из причин, почему они сочетали феноменологию с бихевиоризмом. Точно так же, как бихевиористы утверждают, что восприятие материальных вещей является стимулом нашей активности, «феноменологические гуманисты» в географии утверждают, что пространственное, или пространственная информация, побуждает нас ко всему, что мы делаем, и направляет нашу деятельность. Однако, читая Шюца, я обнаружил, что сам он действительно был заинтересован субъективной перспективой, основанной на теории действия.

Поппер и Шюц – отнюдь не единственные отправные пункты для альтернативной социальной географии, которая возвращает субъект. В классической социальной науке есть и другие теории действия. Однако есть и то, что классики социологии – Вебер, Парето, Парсонс и другие, – акцентировали недостаточно (за исключением Шюца), а именно – ключевую роль человеческого тела в социальной жизни в целом.

В этом издании не была переведена глава из первоначального издания, посвященная анализу и критике немецкой традиции в социальной географии. Там я показал возможности использования перехода от пространственного к акционистскому географическому исследованию путем переформулировки теории «центрального места» Кристаллера. Другим важным извлечением была глава о различиях логики

объяснения действия в объективной и субъективной исследовательской перспективе. Я не думаю, что эти сокращения повлияли на основную линию аргументации.

С другой стороны, в первой главе я добавил более общие рассуждения о статусе пространства и завершил шестую главу разделом, посвященным понятию социального пространства у Бурдьё. Эта его концепция была опубликована уже после того, как я закончил немецкий вариант книги, и оказалась очень близкой к моей точке зрения. Надеюсь, что эти изменения помогут сделать предлагаемую мной альтернативную социальную географию более понятной.

Цюрих, январь 1992.

Предисловие Энтони Гидденса

Эта книга будет интересна не только географам, но и всем, кто изучает социальную теорию. «Пространство» иногда провозглашается особым владением географии, но в своей книге Бенно Верлен блестяще продемонстрировал, что такая позиция неоправданна. «Пространство» не обладает определенным содержанием и потому не может быть особым предметом изучения конкретной дисциплины. Этот вывод не предполагает, что тема пространства перестает быть интересной, напротив, — она приобретает краеугольное значение для социальных наук в целом.

Понятие пространства, пишет Верлен, философски так же проблематично, как и понятие времени. Время, как считают некоторые, не существует: существует лишь не более чем «темпоральный» способ упорядочения событий. Нечто подобное о пространстве утверждали Лейбниц и другие. Не углубляясь в эти философские рассуждения, Верлен отмечает, что «субстанциалистские» интерпретации пространства не выдерживают критики. География стала повсеместно считаться «наукой о пространстве» в результате неверно заданного направления в самом начале ее развития: кантово категорическое понятие пространства было воспринято как объяснительное устремление. Попытки открыть «законы пространства», по мнению Верлена, не способствовали объяснению, однако это не означает, что география не может быть объяснительной. Объяснительное содержание географического исследования может быть восполнено, если география станет наукой, ориентированной на действие. Большая часть книги Верлена посвящена изучению природы действия. Проблематизация понятия действия, как он часто подчеркивает, не должна приравниваться к волонтаризму или индивидуализму. Более того, раз действие предполагает действующего, а действующие обладают телом, то и подход, основанный на центральном положении действия, обладает определенной «материальностью». Подход с точки зрения действия не предполагает субъективизма. Развивая эти положения, Верлен предлагает глубокий и захватывающий анализ разного рода традиций социальной мысли. Работы Карла Поппера, Альфреда Шюца, Талкота Парсонса и других подвергаются жесткому и тщательному критическому разбору.

Акцентирование действия может помочь противостоять бихевиоризму и объективизму, характерных для многих областей географии, но, разумеется, понятие «действия» — сложная идея. Действие предполагает смысл и интенциональность, даже если то, что считается действием, и не исчерпывается тем, что совершено преднамеренно. Мы все же должны учитывать и непреднамеренные последствия действия — извечную характеристику человеческой социальной жизни. Как предполагает Верлен, работы Поппера являются главным ресурсом для исследования

этих проблем. Но исследования Поппера привели к непреодолимой несостоятельности. Поппер вполне обоснованно отвергает эмпиризм и индуктивизм. Согласно общему недопониманию, попперовский критический рационализм отстаивает единство метода социальных и естественных наук: все обобщающие науки, будь то о природе или о человеческой деятельности, следуют одним и тем же методологическим предписаниям. По мнению Верлена, здесь заключена связанная с этим ошибка. Хотя логика фальсификации и может быть универсальной, этого нельзя утверждать в отношении объяснительных постулатов. Развертывая свою аргументацию, Верлен существенно проясняет попперовский методологический индивидуализм. Как он показывает, методологический индивидуализм не предполагает онтологической предпосылки об индивидах: того, что «существуют только индивиды». Ориентация на методологический индивидуализм совместима с признанием реальности социальных коллективностей и институтов. Дело в том, что коллективности никогда «не определяют» того, что делают индивиды. Это, таким образом, лишь иной способ подчеркнуть первичность действия как основного предмета социальных наук.

Обобщения в социальных науках, по мнению Верлена, – это не «законы», они, скорее, относятся к общим образцам действия или к «смешению» преднамеренных и непреднамеренных последствий деятельности. Поппер признает этот довод, по крайней мере, в некотором смысле, когда говорит о значимости «ситуативного анализа» в объяснении человеческого поведения. Однако, будучи подвергнут более тщательному рассмотрению, ситуативный анализ оказывается отклонением от объяснительной логики естественных наук. Единственными «причинами», какие можно обнаружить в социальных науках, являются доводы действующих, а они не могут быть ассимилированы в ортодоксальных моделях научной причинности. Верлен не желает следовать по пути, пролегающему через работы Питера Уинча и их критику, но принимается за тщательное исследование некоторых фундаментальных вопросов относительно действия, смысла и институтов, которые Уинч и другие поставили во главу угла.

Попперовская теория знания «без знающего субъекта» фактически совпадает с идеями, исходящими от самых разных перспектив, – тех, которые иногда ассоциируются с «субъективизмом». Среди этих перспектив и теория Шюца, идеи которого Верлен анализирует весьма подробно. На первый взгляд они кажутся совершенно противоположными идеям Поппера. «Знающий субъект», в конечном счете, является отправным пунктом для феноменологии. Однако социальное знание истолковывается в работах Шюца в понятиях «естественной установки», которая по своей сути интерсубъективна. Онтологический индивидуализм списан со счетов, а действие опять поставлено в центр. Шюцевская концепция объяснения в социальных науках, как и та, которую Верлен приписывает Попперу, дистанцируется от натуралистической версии причинности. Социальный мир выстраивается как осмысленный в повседневной деятельности самих социальных агентов. Задачи объяснения в социальных науках тесно связаны с созданием конструктов «второго порядка», обладающих смыслом, позволяющим реинтерпретировать смысл самого действующего. Знаменитое шюцевское понятие «адекватности» предполагает, что описания, предлагаемые социальным наблюдателем, должны быть в принципе понятны простому, обыкновенному действующему. Адекватность на уровне смысла должна быть дополнена причинной адекватностью: конструкт причинно адекватен, если ход действия, который он отражает, укладывается в типичные условия, при которых это действие предпринимается.

В своем мастерском синтезе Верлен сводит воедино общие характеристики взглядов Поппера и Шюца. И Поппер, и Шюц полагают, что социальная наука должна

начинать с изучения действия, а не структур. Оба они соглашаются с тем, что социальный мир не организован в понятиях какого бы то ни было детерминизма; оба отводят важное место идеально-типическим понятиям в интерпретации человеческой деятельности. И все же мы не можем удовлетвориться одним лишь синтезом. Мы должны, как считает Верлен, пойти дальше, нежели Поппер и Шюц: поскольку, хотя каждый из них и помещает вполне справедливо проблематику социальных наук в понятие действия, ни тот и ни другой не исследуют это понятие вполне удовлетворительным образом. Продвигаясь в решении этой задачи, Верлен обращается к Максиму Веберу, Вильфредо Парето и Парсонсу, идеи которых, разумеется, не могут быть восприняты некритически. Однако соответствующим образом отобранные понятия этих авторов могут быть использованы для наращивания хорошо разработанной теории действия. Все действия происходят внутри «системы координат», которую действующие используют, выборочно реагируя на данную ситуацию, но которая также постоянно преобразуется в свете их опытного переживания этой ситуации.

Каковы выводы из всего этого для географии и проблематики пространства? Отвечая на данный вопрос, Верлен обращается непосредственно к обсуждению понятия пространства. «Пространственные проблемы» в географии, согласно Верлену, всегда соотносятся с проблемами действия. Пространство не может «быть причиной» и не может определять что-либо. Говорить о «пространстве» в контексте географии – означает фактически начать обсуждение целого ряда вопросов, касающихся расположения людей и предметов в физическом мире. Размещение имеет только социальный смысл, и это очень важно, когда оно проходит через системы координат, ориентирующих поведение индивидов. В этих понятиях Верлену удастся воздействовать на примирение социальной географии и социологии. Каждая из дисциплин, сохраняя свои отличия, вносит свой вклад в развитие другой.

Доводы Верлена хорошо обоснованы и убедительны. Они звучат смертным приговором идее географии как «науки о пространстве», но в то же время открывают новые и обширные области исследования. Следует надеяться, что эта книга будет иметь столь же большое значение в англо-говорящем мире, как и в немецком контексте своего происхождения. Читатель найдет в ней результаты тонкой, оригинальной и глубокой работы.

Глава 1. Пространство и причинность, или Что случилось с субъектом?

В прошлом многие географы утверждали, что целью географии является изучение пространства. Сегодня большинство географов утверждают, что целью географии является анализ значимости пространства для социальных процессов. Так или иначе, взывания к «пространству» неизбежны для оправдания и выделения нашего предмета. Теперь, если эта линия аргументации приемлема, «пространство» должно быть и объектом исследования, и осмысленным конституирующим «социальные процессы» фактором, а процессы могут быть только социальными, если они в какой-либо мере включают в себя человеческое действие.

В философии природа «пространства» была предметом больших споров. Это другой в отношении географии контекст, но проблемы вполне соотносимы с географическими. Современные философские обсуждения представлены тремя позициями: абсолютная, или субстантивистская; реляционная и эпистемологическая. Прежде чем обратиться к географии, рассмотрим непосредственно философские позиции. Их можно проиллюстрировать тремя примерами:

Абсолютная/субстантивистская идея:

Ибо идея протяженности, которой, как мы понимаем, обладает всякое данное пространство, тождественна идее телесной субстанции. (Декарт)

Абсолютное пространство, по своей собственной природе, безотносительно к чему бы то ни было внешнему, остается одним и тем же и неподвижным. Абсолютное пространство – это сенсориум Бога. (Ньютон)

Реляционная идея:

Я полагаю, что пространство [...] – это порядок сосуществования. Пространство – вообще ничто без тел, но оно есть возможность их размещения. (Лейбниц)

Эпистемологическая идея:

Пространство не является эмпирическим понятием (Begriff), полученным в результате абстрагирования от внешнего опыта. [...] Пространство – это необходимое представление и, следовательно, оно априорно. (Кант)

Философские споры привели к выводу о том, что нет никакой возможности поддерживать субстантивную идею пространства. Не углубляясь в подробности этих споров, о которых можно узнать из других источников², выделим один важный момент: если бы «пространство» было объектом, т.е. пригодным для исследования объектом, тогда мы могли бы указать на место пространства в физическом мире. Но это невозможно. Пространство не существует как материальный объект или как (содержательный) теоретический объект.

Почему тогда география стала называться «наукой о пространстве»? Мы можем проследить эту категориальную ошибку до одного из отцов-основателей современной географии – Альфреда Хетнера – и до его ошибки в истолковании Канта³. Для Канта (1802) география была, скорее, описательной, или таксономической, дисциплиной⁴, нежели наукой: она обладала статусом лишь пропедевтической дисциплины. Для обозначения географии Кант использовал слово «хорографическая», т.е. описательная. Хетнер (1927, 115f., 127ff.) преобразовал это слово в «хорологическая», т.е. относящаяся более к объяснению, нежели к описанию, а по Канту, объяснительная сила была главной отличительной чертой науки. «Ошибка» Хетнера дала возможность представить географию как науку – науку о пространстве. Берри, Бунге, Бартельс и другие пошли этим тупиковым путем до конца. Бартельс (1968, 1970), наиболее известный немецкий географ последних десятилетий, попытался в итоге сформулировать в качестве цели географии открытие пространственных законов. При этом он вернулся назад, к субстантивному понятию пространства. Кроме того, он попробовал обосновать свои доводы, ссылаясь на попперовские критерии научности.

Но если мы и отвергаем ошибочное толкование Хетнера и все, что из этого следует, это не означает, что мы должны принять кантовское определение географии. Я думаю, что география – нечто большее, чем просто пропедевтическая дисциплина и что она обладает объяснительным потенциалом. Но я также убежден и в том, что для того, чтобы определять географию как социальную науку и поддерживать такое определение, надо лишить пространство приписываемой ему главной роли. Эту роль следует отнести «действию» как ключевому понятию географического исследования. Я еще вернусь к вопросу о том, почему я предпочитаю «действие» «социальным

² Эти философские споры обобщены в работах Смарта (1964), Александера (1956), Нерлиха (1976), Склара (1974) и Меллора (1981).

³ География, в отличие от других дисциплин, отдает должное, по крайней мере, одной матери-основательнице – Элен Сэмпл.

⁴ И.Кант. Физическая география. Кенигсберг, 1802.

процессам» (хотя они приводят к тому же результату). Сейчас же отметим, что пространство не является ни объектом, ни *a priori*, но системой координат для действий. Пространство – это система координат для материальных аспектов социальных действий в формально-классификаторском смысле. В отличие от Канта я предлагаю следующее определение «пространства»:

«Пространство» – не эмпирическое, но формальное и классификаторское понятие. Это система координат для физических составляющих действия и обозначение для проблем и возможностей, относящихся к исполнению действия в физическом мире.

Система координат не может быть эмпирической, поскольку не существует такой вещи, как пространство. «Пространство» – это формальная система координат, поскольку не соотносится ни с каким конкретным понятием материальных объектов. Оно является «классификаторским», поскольку позволяет нам описывать определенный порядок материальных объектов с учетом их особых измерений. Эта понятийная система координат позволяет нам принимать в расчет материальные возможности социальных действий в их отношении к физическому миру, а также телесность действующего, который теперь фигурирует в большинстве социальных теорий под названием «субъект». Ко всему прочему, я должен добавить, что переход от слова «действующий» к слову «субъект» – это также и переход от термина, вмещающего в себя действие, к термину, который предполагает, что люди подчинены не контролируемым ими силам. Я хотел бы надеяться, что новое представление о возможностях такого перехода может быть поддержано этим доводом.

Если мы встаем на точку зрения, называемую мной в этой книге «теорией действия», или «ориентированной на действие географией», и не будем приписывать пространству как таковому роль исходного пункта, то мы начнем с воплощенного субъекта, или с телесности действующего, в контексте специфических социокультурных, субъективных и материальных условий. Мы начнем с точки зрения, с одной стороны, акцентирующей субъективную деятельность как единственный источник действия и, тем самым, изменений, и с другой – подчеркивающей, что социальный мир придает форму социальным действиям, его порождающим. Но тот факт, что социальный мир производится и воспроизводится социальными действиями, означает, что именно эти действия, а не «пространство», и составляют этот мир. Любое понятие пространства может дать только образец соотнесения, посредством которого проблематичные и/или релевантные материальные образования, включенные в действие, могут быть преобразованы и локализованы. Если субъект облечен телесностью, эти материальные образцы, конечно же, важны в большинстве действий. Но поскольку они не являются единственными важными факторами, действия не могут быть ими объяснены. Социально сконструированная система действий не является «пространственной» причиной; она – продукт действий. Иными словами, вовсе не достаточно начать с утверждения, что «пространство», или даже материальность, уже обладают смыслом «сами по себе», смыслом, который конституирует социальные факты. Материальность становится осмысленной только в ходе осуществления действия с определенными намерениями и при определенных социальных (и субъективных) обстоятельствах.

Все это идет вразрез с идеей пространства Анри Лefевра. На вопрос «Что конкретно представляет собой способ существования социальных отношений? Сущность? Естественность? Формальную абстракцию?» он отвечает: «Социальные отношения производства имеют социальное существование лишь постольку, поскольку

они существуют в пространстве; они проецируются в пространство, они вписываются в пространство и в то же время производят его»⁵. Такой ответ во многом проблематичен.

Во-первых, социальное содержание социальных отношений (производства) вообще не может быть «пространственным» из-за нематериальности социальной составляющей. Объясню, что я имею в виду. Социальное содержание социального отношения производства может быть только осмысленным соотношением с материальными фактами субъектов с данными целями, находящимися в данный момент в поле зрения в определенных социокультурных условиях. Эта социальность как таковая не существует в материальном, в противном случае, любой материальный объект мог бы иметь только один социальный смысл. Но мы знаем, что вполне возможно соотнести с одним и тем же материальным фактом различные смыслы, точно так же, как их можно соотнести с одним и тем же текстом (см.: Деррида, 1987). Во-вторых, формулировка Лefевра предполагает пред-существующее субстанциализированное «пространство», когда он пишет, что «социальные отношения производства... проецируются в пространство». И в-третьих, «социальное отношение производства» само по себе ничего не может делать. Оно становится социально релевантным только в процессе действия, которое производится или воспроизводится действующим.

Формулировка Лefевра включает в себя двойную реификацию: реификацию пространства и реификацию «отношений производства». Первая ведет к усеченному материалистическому взгляду на мир – «социальное» существует только тогда, когда оно становится пространственным. А поскольку только материальное может быть пространственным, отсюда следует, что социальное существует только в материальном и может быть воспроизведено только материальным. Единственно возможный вывод из всего этого: материальное воздействует на материальное, и в этом процессе зарождается социальное. Нет нужды говорить, что такой вывод весьма сближает Лefевра с геодетерминистами, хотя он достаточно основательно аргументировал свое несогласие с ними. Лefевр не разрешает проблем географов. Но он не только скатывается к вульгарному материализму; определяя «пространство» как объект исследования, он становится также и эссенциалистом, поскольку реифицирует пространство, наделяя его содержанием, обладающим детерминирующей силой. Таким же образом и идея «времени» в истории была реифицирована и ошибочно истолкована как сила сама по себе – «сила времени».

Основная трудность для исследовательских стратегий сегодня состоит в том, что географы пытаются локализовать нематериальные социальные и психологические образования в физическом мире. Такая локализация невозможна, потому что, как мы увидим, эти образования имеют иной онтологический статус. В физическом мире могут быть локализованы только материальные образования. Нематериальные – не могут. Формальное понятие пространства может локализовать материальные вещи, но его категории (долгота, широта и т.п.) не применимы к явлениям другого рода. Если мы согласны с тем, что действия всегда имеют, по крайней мере, социокультурную, субъективную и физическую составляющие, то нам должно быть ясно: пространственные категории могут охватить только последнюю из этих составляющих. Любая попытка охватить в пространственных понятиях нематериальный социокультурный и субъективный мир намерений, норм, ценностей и т.п. будет, соответственно, редуционистской.

Если бы в истолковании социокультурного мира нам пришлось полагаться только на физические категории (с которыми ассимилировано пространство), то мы

---

⁵ Lefebvre 1974 (1981): 151-2.

должны были бы предположить, что смысл действий причинно предопределен биологическим телом или другими материальными обстоятельствами ситуации действия. Такая редукция – не выдумка, она встречается непосредственно в некоторых рассматриваемых мною ниже теориях, редуцирующих субъективные и социокультурные аспекты действия к биологической причине. В этом смысле так называемые пространственные аргументы звучат в унисон с расистскими и сексистскими объяснениями и представлениями о социальном. Они совпадают, поскольку используют материальные, биологические категории в объяснении социокультурных фактов. Примечательно, что это весьма сближает (вульгарный) материализм, называющий себя марксизмом, с бихевиоризмом и приводит к гомогенизации, характерной для всех тотализирующих и холистских объяснений.

Гомогенизация выражается в форме обобщенных предрассудков. Общая форма является атрибутом «общих характеристик», например, африканцев или испанцев, и отрицает различия между разными этническими группами, подчеркивая тем самым неповторимость, которую оставляют за собой белые привилегированные группы. Приписывание различия по-своему отрицает различие и в то же время помогает поддерживать неравенство, основанное на различии. Холизм, характерный для выше упомянутых типов объяснения, выражен в убеждении (когда оно основано не на социальных, а на физических категориях), что коллектив может действовать «сам по себе». Наиболее яркая форма такого подхода представлена в националистических и регионалистских доводах, якобы представляющих «волю», скажем, литовского или словенского народа. Региональная категория полностью вытесняет субъективное действие. Дело не в том, что словенцы не чувствуют себя словенцами, но в том, что это (региональное) категориальное вытеснение отрицает за ними как за субъективными действующими право принятия решений. Вместо того, чтобы описывать и объяснять социальный мир в пространственных категориях, географам следовало бы представить объяснения так называемых пространственных фактов в категориях действия. Точнее, географам следовало бы дать объяснения действий, ссылаясь на ограничивающие и освобождающие аспекты социокультурных, психологических и материальных факторов в понятиях условий и последствий действий. У этой книги есть подзаголовок: «альтернативная география человека». Возникает очевидный вопрос: альтернативная чему? Поскольку несколько абзацев книги я уже посвятил ведущему и выдающемуся марксистскому теоретику (Лефевру), я должен пояснить, что моими основными оппонентами являются не альтернативные марксистские географы – такие, как Харвей (1985, 1989), а геодетерминисты и бихевиористы, определяющие предмет географии с тех пор, как она стала называться наукой о пространстве. Это исследователи именно такой ориентации, до сих пор занимающие выгодные академические посты и получающие исследовательские гранты (деньги), несмотря на их интеллектуальное банкротство; поэтому так важно доказать в понятиях, доступных ученикам этих исследователей, если не им самим, что основания, на которые они опираются, весьма шатки или уже обрушились. Я затрагиваю в моей критике марксистские теории географии постольку, поскольку они попадают (вместе с геодетерминистами) в ловушку идеи о том, что пространство – это причина. А еще в ловушку уничтожения субъективной деятельности, которая составляет существо любой настоящей теории действия, такой, как волюнтаризм или индивидуализм. Более того, тот факт, что я сосредотачиваюсь на ограничителях действия и на процессе его оформления социокультурными ценностями, свидетельствует о моем полном согласии с утверждением о том, что, когда люди творят историю, они это делают отнюдь не в условиях свободы выбора. Действовать может только субъект, но чисто индивидуального действия не существует. Человеческое действие всегда является выражением социокультурных, субъективных и

материальных условий. Однако поскольку исследование социокультурных и материальных ограничений действия уже было предпринято (до некоторой степени) упомянутыми учеными (и не только ими), я вижу задачу, стоящую перед альтернативной социальной географией, как раз в том, чтобы учесть также и действие и деятельность, т.е. стать ориентированной на действие *социальной* географией.

Эти соображения соотносятся не только с обсуждением общества и пространства в географии, но и с социально-философскими и социологическими дебатами, особенно с теми, которые привязаны к работам Мишеля Фуко и Энтони Гидденса. Я утверждаю, что мы должны взять положение Фуко, согласно которому «власть существует только тогда, когда она приведена в действие» и «власть» осуществляется только одним над другим или посредством другого. Тот факт, что (для осуществления «власти») тело, человеческая телесность и другие материальные средства имеют ключевое значение, не должен приводить к выводу о том, что «пространство» как таковое есть нечто соотнесенное с властью, разве что «пространство» обозначает совокупно все материальные условия, воздействующие на телесность действующего. Как я уже отмечал, эти условия должны быть в центре любой теории действия.

Теперь, после всех этих ссылок на гомогенизацию, различие и объяснение целостностей, читатель вполне может ожидать, что я вот-вот обращусь к доводам относительно субъективной деятельности, основанным на современных постструктуралистских источниках. Но я этого не сделаю. Я собираюсь пойти иным путем, назад, через социальную философию, социальную теорию и эпистемологию, сформировавшую географию XX века и ее определение того, что представляется «научным».

Причиной тому – отнюдь не мое желание представить общее введение в эпистемологию и социальную теорию, в частности, в теорию действия (хотя я был бы рад, если бы эта книга выполнила и эту задачу). Причиной, скорее, послужило то, что неприкрытый геодетерминизм XIX века выжил и продолжает существовать в географии XX века в скрытых формах «пространственности» и бихевиоризма. Эти формы основываются, во-первых, на определении «науки», которое следует пересмотреть; это означает, что мы должны пересмотреть эпистемологические определения того, что составляет науку. Здесь я должен упомянуть, что не только сциентистские притязания бихевиористской географии подвинули меня заняться исследованием эпистемологии. Сегодня все больше принято считать, что эпистемология и определение науки не имеют отношения к географии и что эпистемологические соображения должны быть заменены онтологическими. Несмотря на то, что я критикую сциентизм, я не соглашаюсь с таким отрицанием эпистемологии: думать в онтологических категориях будет весьма затруднительно, если вначале не думать в эпистемологических. Во-вторых, зачатки теории действия можно обнаружить у таких непохожих друг на друга авторов, как Карл Поппер и Талкот Парсонс или как Макс Вебер и феноменолог Альфред Шюц. В их работах мы находим указания на то, как следует разрабатывать такую социальную географию, которая рассматривала бы субъективную деятельность наряду с социокультурными и материальными ограничителями. Деятельность и действие всегда были наготове и у материалистов и функционалистов; внимательно вчитываясь в работы соответствующих теоретиков, можно заметить, насколько часто они прибегают к субъективной деятельности и как истолкование их предположений может помочь в теоретизировании по поводу этой деятельности. В то же время такое пристальное вчитывание обнаруживает, что эти теории скрыто или явно, но отвергают субъективную деятельность.

И Поппер, и Парсонс вряд ли захотели бы, чтобы их работы использовались так, как я это буду делать. Но все же, исследование их логических предположений и того, куда они нас заводят, имеет еще одну цель. Это не только будет способствовать развитию ориентированной на действие географии, но и покажет, что геодетерминисты, бихевиористы и структуралисты, считающие Поппера «научным» авторитетом, ссылаются на этот авторитет, совершенно неверно трактуя его работы. Фактически, если мне позволено будет сделать одно личное отступление, я начинал настоящее исследование как критику Поппера. Прочитав его, я был удивлен тем, что авторитет, призываемый на помощь различного рода геодетерминистами, спациолистами* и бихевиористами, которых я собирался критиковать, явно не был прочитан теми, кто на него ссылался.

В заключение этой вводной главы я исследую предпосылки и логику бихевиористской географии. Если «теория» имела значение в географии, начиная с 60-х годов, то язык теории, в особенности что касается отношений между бихевиоризмом и теорией действия, оставался по большей части не дифференцированным. В самом деле, «теория действия» была отвергнута или развенчана еще и потому, что она была ассимилирована бихевиоризмом. Одна из основных задач этой книги заключается, фактически, в том, чтобы показать, что бихевиористский и акционистский подходы противоположны, их ключевые понятия «поведение» и «действие» постоянно используются как синонимы. Поэтому следует начать с четкого разграничения этих понятий. Только тогда мы сможем проверить утверждение о том, что исследование в социальной географии должно основываться на теории действия, а не на бихевиоризме. В противном случае такое исследование не достигнет поставленной перед ним цели – изучить общество в его «пространственном» измерении.

«Поведение» и «действие»

Последствия от смешения «действия» и «поведения» для методологии и теории можно наблюдать, сравнивая литературу по психологии и социологии, начиная с опубликованных в 1913 г. двух программных работ – «Психологии с точки зрения бихевиориста» Дж. Б. Уотсона и «О некоторых категориях понимающей социологии» М. Вебера.

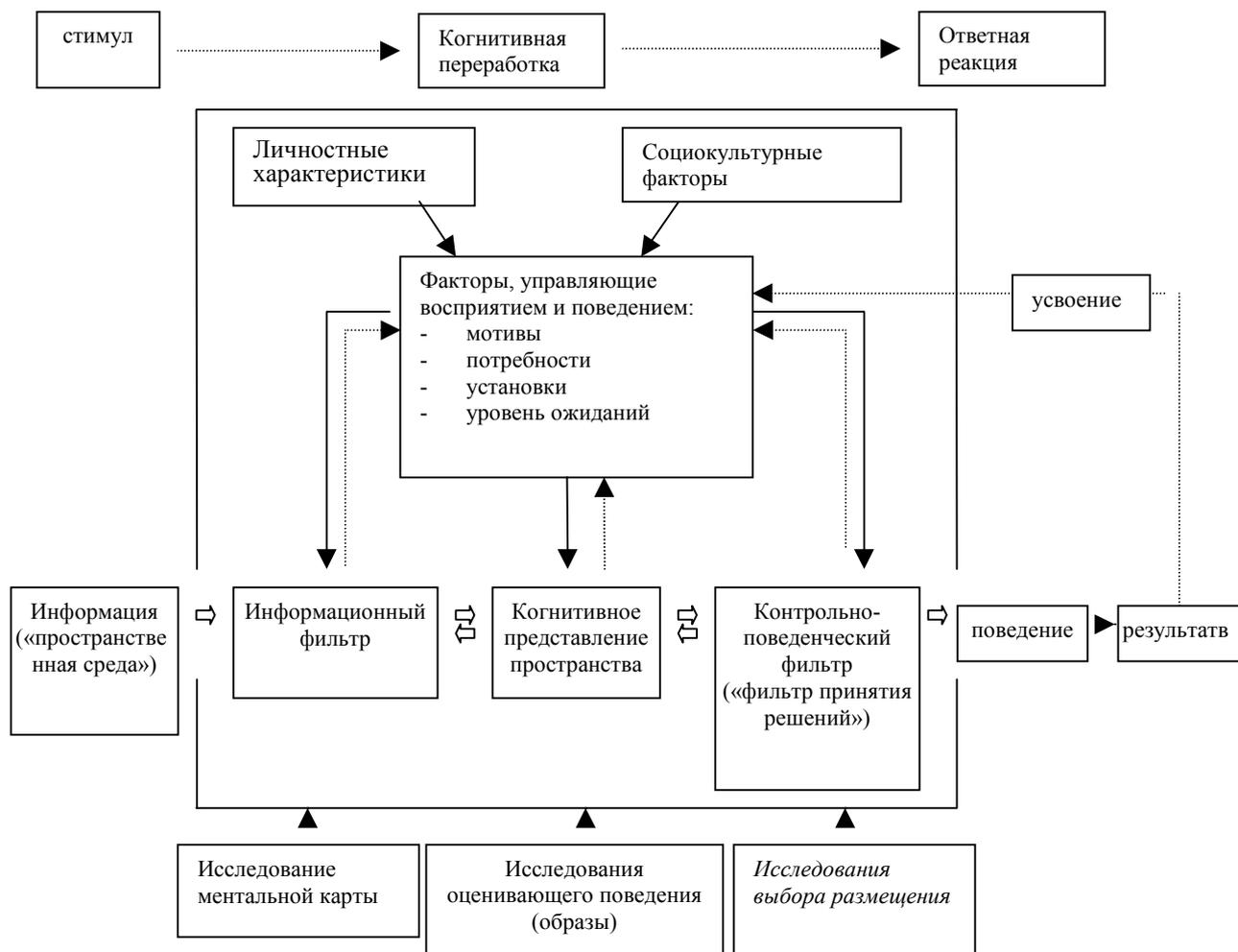
Если человеческая деятельность абстрагируется в соответствии с определением «поведения», то она рассматривается как наблюдаемая, т.е. эмпирически воспринимаемая в истинном смысле классического бихевиоризма⁶. Все ненаблюдаемые, когнитивные аспекты человеческой деятельности опускаются, поскольку надо понять каждый акт в терминах (наблюдаемого) «стимула» и (наблюдаемой) «реакции». Каждый объект физического окружения представляет собой потенциальный «стимул». В эмпирическом исследовании объект описывается как «стимул» в момент его воздействия на поведенческую реакцию. «Ответная реакция» определяется как «все то, что делает живое существо» (Watson 1970: 6). Тем самым уже предполагаемая редукция человеческих действий к наблюдаемым физическим процессам позволит, согласно Уотсону и его сторонникам, прежде всего

* Можно было бы назвать их и по-русски – «пространственниками», – однако, калька «спациолисты» представляется более уместной и естественной в ряду «геодетерминистов» и «бихевиористов». – *Прим. перев.*

⁶ Действительно, «поведение» используется многими социальными учеными, и географами в том числе, как собирательное название для любой человеческой деятельности. Мне такое употребление отнюдь не кажется вполне уместным. Помимо тех несоответствий, на которые я укажу ниже, оно чревато либо существенной потерей информации и запутанностью, если не говорится, в каком смысле упоминается «поведение», либо утомительным перечислением, если это говорится. Я рассматриваю «действие» как обобщающий термин, а «действие» и «поведение» – как два специфических образа, представляющих человеческое действие.

последовательно применять (естественную) научную методологию и в социальных науках. Целью бихевиористского исследования волей-неволей является такое причинное определение поведения в рамках научной теории, которое предсказывает в детерминистско-номологическом стиле реакции живого существа, соответствующие данным определенным «стимулам».

Теории когнитивного поведения были весьма разнообразно использованы в «бихевиористской географии». Одновременно они представляют собой и развитие классического бихевиоризма, поскольку поведение уже больше не описывается исключительно в понятиях стимула и реакции. «Стимулы» передаются *посредством* элемента рефлексии, познания и сознания и только тогда рассматриваются в соотношении с поведением. Когнитивный компонент (мотивы, потребности, установки, уровень ожиданий и т.п.) выступает в качестве фильтра интерпретации и восприятия «стимулов». Стимулы, в свою очередь, описываются теперь как единицы информации. С точки зрения этих теоретических понятий человеческое поведение объясняется как ответная реакция на стимулы, избирательно получаемые из социальной и физической среды, когнитивно переработанные в информацию. Вдобавок, модели теории поведения, используемые в социальной географии, отличаются от общей когнитивной теории тем, что особое значение придается пространственному измерению. Модель этой теории воспроизведена в очень упрощенной форме на рисунке 1.

Рис. 1. Модель поведения в социальной географии

Здесь я не пытаюсь представить сложный анализ бихевиористского подхода к социальной географии. Достаточно будет сказать, что основные исследовательские направления этого подхода вполне очевидно сопоставимы с манерой мышления, превращающей «пространство» в причину. Тела реагируют детерминистским способом и детерминированы непреднамеренно. Помимо того, что такой подход представляется грубым, он к тому же не соотносит между собой результаты бихевиористских исследований «пространственного сознания», «ментальных карт» и т.п. в понятиях их основных положений, касающихся человеческого поведения (хотя если бы бихевиористы попытались, это вполне возможно сделать. См. рис. 1.). Представители «бихевиористской географии» порой наблюдают, как субъективное восприятие пространственных образцов отклоняется от «объективных» фактов. Но они не идут дальше этого. Причины различий в субъективном восприятии и их влияние на различные типы поведения так и остаются неисследованными. Субъективное восприятие и субъективное поведение также не соотносятся. Совсем иначе все выглядит с точки зрения «действия».

«*Действие*» можно в целом определить как рефлексивную и интенциональную деятельность – сознательно продуманную и «свободно» осуществляемую деятельность, ориентированную на определенную цель. Она может достигаться посредством как внутренней (ментальной), так и внешней (наблюдаемой, двигательной) деятельности, в противоположность простой реакции на стимулы. «*Действие*» в его простейшей форме можно определить как «преднамеренно предотвращающее или способствующее

изменению в мире» (Wright 1971: 83). «Акт», в свою очередь, «будет обозначать итог этого продолжающегося процесса, т.е. осуществленного действия» (Schutz 1962: 67). Если человеческая деятельность получает название «действие»⁷, то имеется в виду не просто аспект «рефлексивности», обнаруженный в когнитивных теориях поведения, но также и аспект интенциональности.

Я не утверждаю, что нет такой человеческой деятельности, которая была бы лишена сознательного намерения в момент действия. Здесь нужно определиться с тем, становится ли сознательно преднамеренное действие настолько обыденным, что его уже больше не обязательно планировать сознательно. Если имеет место такой подход, то деятельность описывается как «квази-поведение»; если же нет – то просто как «поведение». Но простое поведение (физиологически и биологически вызванные рефлексы) вряд ли имеет отношение к социальному.

С другой стороны, «квази-действия» описываются Хабермасом (1984: 12) как «поведенческие реакции внешним или внутренним образом стимулированного организма и вызванные окружающей средой изменения состояния саморегулирующейся системы». Хабермас имеет в виду процессы, которые описываются так, «как если бы они были выражением способности субъекта к действию», тогда как в действительности все, что описывается является, деятельностью организма, который как таковой не способен указать причины своих действий⁸.

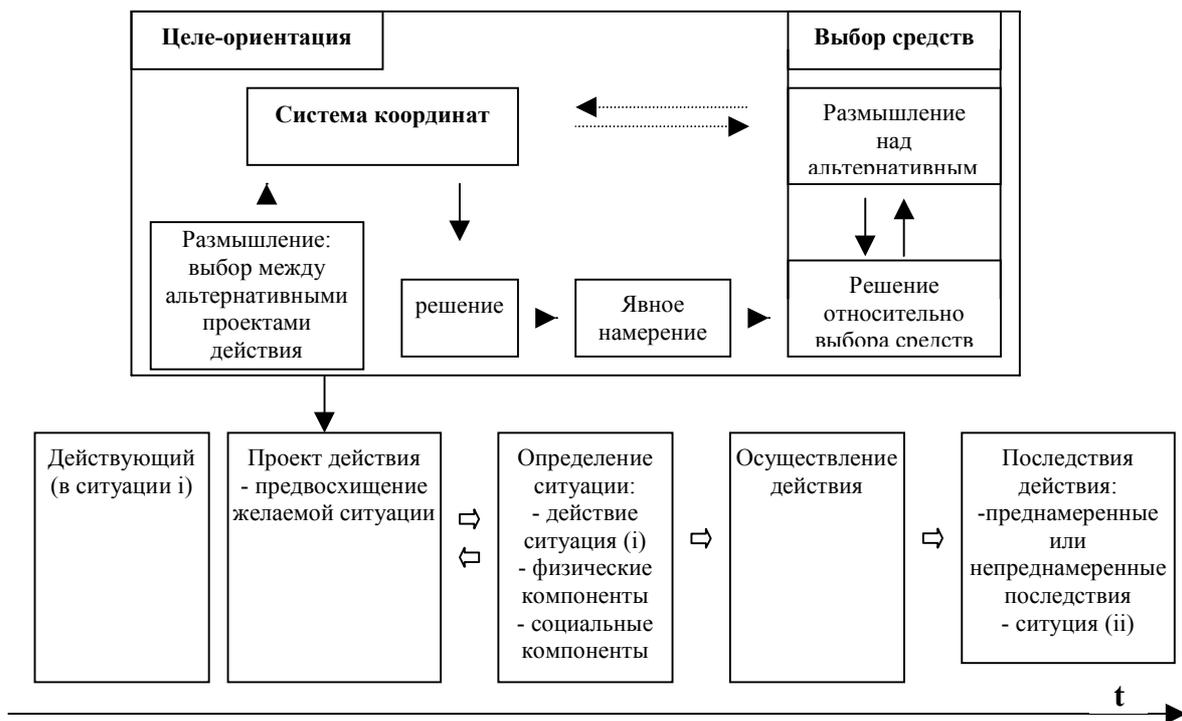

Рис.2. Модель социального действия

⁷ Говоря «действие», я имею в виду «социальное действие», как оно определено Максом Вебером (1968:1). Можно сказать, что это – человеческое действование, ориентированное на «делание» или на результат человеческой деятельности (артефакт). Это может быть также и деятельность, воздействующая на природу, преобразующая физические объекты, которые до этого еще не были преобразованы рукотворно, посредством социально извлекаемого знания. Поскольку, согласно такому теоретическому подходу, не существует иного действия кроме предполагающего и социальное действие (см.: Overmann et al.:1979), я буду использовать сокращенный вариант термина – «действие».

⁸ См., как Райт (1971: 84-5, 58) различает «квази-каузальные» – каузальные описание интенциональных действий – и «квази-телеологические» – интенциональные описания каузального процесса в смысле функциональных объяснений – и Лумана (1962: 618).

Любое действие (см. рис. 2) может быть описано в понятиях четырех последовательностей.

1. *Проект действия*⁹, т.е. формирование/создание намерения. Это подготовительный и предвосхищающий процесс в данной ситуации (ситуация i). Во время этого процесса субъект размышляет над адекватностью средств к достижению его/ее цели, а иногда и над обобщенными и оправданными ожиданиями других членов общества, которые следует оправдать и проч.

2. *Определение ситуации*: интерпретативная последовательность в понятиях преследуемой цели. Ситуация i структурируется как ситуация i'. На этом этапе действующий определяет и отбирает доступные ему (физические и социальные) и подходящие для достижения цели средства. Не доступные элементы, соотносящиеся с намерением, являются «ограничителями». Ситуация интерпретируется в соответствии с определенными ценностями и нормами. Иногда, когда значение составляющих ситуацию элементов проблематично, необходима рационализация их смысла.

3. *Реализация действия*, или реализация «субъективно представленной себе цели» (Girndt 1967: 30). Это – следствие выполнения действия, когда ситуация (i) была изменена или изменение ситуации было предотвращено. Каким бы ни был технический компонент (отношение «цель-средства»), легитимность действия или даже смысловой компонент на этой стадии может быть проблематичным.

4. *Последствия действия*: ожидаемые или неожиданные последствия действия конституируют ситуацию (ii). Эта новая ситуация соотносится с действующим и с другими действующими. Для них ситуация (ii) может вновь оказаться ситуацией (i). Эта измененная ситуация может соотноситься с формированием «нового» отношения «цель-средства» и с переосмыслением ценностей и норм как еще одного условия для понимания.

Эти последствия могут оставаться ненаблюдаемыми для других (как в случае с попыткой интеллектуального разрешения проблемы), или же они могут быть «явными, сопряженными с внешним миром» (Шюц 1962: 67). Теория поведения объясняет человеческую активность стимулами, тогда как, согласно теории действия, эта активность интенциональна и осмысленна. Сосредотачиваясь на ментальных процессах индивидов, когнитивный бихевиоризм не способен перенести свое исследование на общество. Причиной тому – допущение о том, что смысловой контекст социально значимой деятельности сводим к индивидуальному стимулируемому действию. Тем самым социальный контекст отсекается. Проблемные ситуации представляются, в лучшем случае, в свете индивидуальных когнитивных диссонансов. Смысловой контекст социального мира можно уловить лишь, если мы будем рассматривать деятельность членов общества как интенциональную, а не просто как «реакции» на стимулы. Теория действия предоставляет для этого понятийный аппарат; бихевиористская теория – нет.

Базовая структура действия, какой она была представлена выше, концептуально разработана Максом Вебером. Он сконструировал тончайшие концептуальные различия, охватывающие все многообразие форм институционализированного действия. На рис.3 эти соотношения показаны более подробно¹⁰. В этой системе

⁹ «Проект действия» (Weber: 1968) встречается в литературе под разными названиями. Хабермас использует этот термин как «действие, подготавливающее к аргументации», Вригт употребляет его как «внутренний аспект действия», или «формирующий интенциональность действия», Шюц – как «планирование в соответствии с мотивами».

¹⁰ Различие между «целью» и «средствами» действия провести весьма сложно. У Прево (1979) это становится причиной рассуждений о «лабиринте понятия действия». Можно принять в качестве принципа, что все, предпринимаемое или охватываемое действием для достижения цели, следует описывать как «средства». Но цели, проект действия, могут варьировать по объему. Это может быть и цель всей жизни, и план отдельного действия, которое продлится лишь несколько секунд или минут,

рассуждений «действия» представляют собой базовые единицы процесса социализации, и поэтому их можно считать «атомами» социальной вселенной. Они являются мельчайшими частицами в исследованиях общества и социального мира. Отсюда должно быть ясно, что не действующие акторы или индивиды служат предметом ориентированного-на-действие социального исследования, а действия. Действующие – это предпосылки действия, а не единицы исследования.

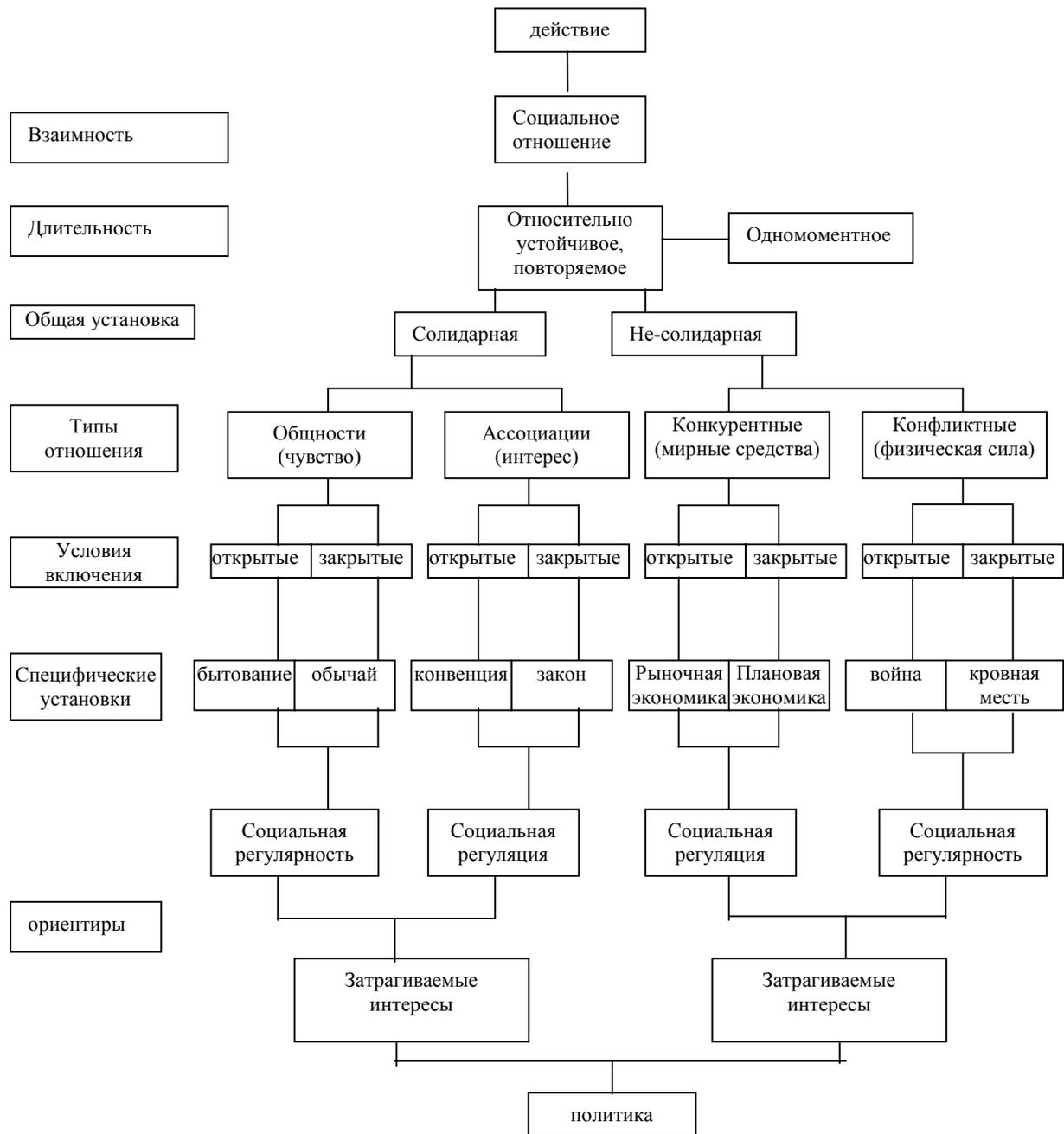

Рис.3. Социальные отношения

и они могут соотноситься друг с другом в большей или меньшей степени. Если, например, намечаемое на каждый день выполнение определенного задания приближает к достижению цели, намеченной на год, то первое становится «средством» для последней и т.д. Поэтому четкое различие «цели» и «средств» возможно только в соотношении с достижением проекта действия.

Еще одно важное различие между бихевиористской и акционистской тематизацией человеческой деятельности заключается в логической конструкции. Модель «стимул-реакция» предполагает индуктивную логику, тогда как модель теории действия предполагает дедуктивную структуру знания и деятельности¹¹.

Бихевиористская наука или теория действия?

Есть два подхода к социальной географии, ориентированной на человеческую деятельность. Один направлен на общество и действие, другой – бихевиористский – ориентирован на индивида. Поскольку эти подходы диаметрально противоположны, один должен быть замещен другим. Очевидно, что теоретическое понятие «поведение» не подходит для понимания социальных отношений и должно быть заменено. Теория действия, придерживаясь своих базовых допущений (рефлексивности и интенциональности), не может быть логически сведена к допущениям когнитивного бихевиоризма (осознанной интерпретации информации и реакции на нее).

Попытки именно такой редукции имеют давнюю традицию в социальных науках. И, как я уже отмечал, их можно найти и в нынешних социально-географических исследованиях. Эти редукции начинаются с положения о том, что все социальные явления могут быть сведены к психологическим факторам восприятия, научения и мышления; причем особо отмечается «человеческая природа», инстинкты значения, инстинктивные антипатии, подавленные состояния, беспокойства, неврозы, влечения, желания, потребности, индивидуальные уровни ожиданий, мотивы и т.п. Не только Маркс, но и Поппер противостоит такому подходу. Он задается нарочитым вопросом: «А нет ли тут иного пути, то есть проявление инстинкта, скорее, продукт воспитания, результат действия социальных правил и институтов, нежели их причина?» И продолжает: не являются ли социальные феномены по своей природе, скорее, «конвенциональными», нежели «естественными».

С бихевиористской точки зрения социолог или социальный географ должен бы ответить, что именно эти конвенции и есть результат когнитивных диссонансов между различными элементами мотивационной структуры или же результат неадекватности реакций на стимулы. Критерием такого довода могло бы служить следующее утверждение: законы общественных явлений «есть законы ... страстей человеческих и только они» (Милль 1973: 877). Другими словами, социальные правила должны быть объяснены через ментальные процессы индивидов, а не наоборот.

С точки же зрения социальных наук эта теория противопоставляется постулату о том, что никакую деятельность нельзя объяснить ссылками лишь на психологические факторы, ее следует объяснять в соотношении с социальным контекстом. Нашу деятельность нельзя объяснить «не ссылаясь на наше социальное окружение, на социальные институты и на их способ функционирования» (Поппер 1969: 90). Согласно «социологическому подходу», невозможно редуцировать социальную географию к бихевиористскому анализу человеческой деятельности. Любой такой анализ должен начинаться с социального, а не с психологического аспекта, поскольку социальное не может определяться психологическим: именно социальный контекст является главенствующим фактором для человеческих действий, а не психологические факторы. Если какие-либо редукции и желательны, так это редукция психологического анализа к социологическому. Пытаясь проводить социологический анализ психологически, приходится принимать общество как данное, тогда как подход теории действия может

---

¹¹ Эта типология эмпирически происходящих действий и социальных отношений не претендует на воспроизведение всех возможных форм социального процесса или события. Ее следует воспринимать всего лишь как иллюстрацию акционистского теоретического подхода к социальной реальности.

объяснить способы «функционирования» общества и указать на трудности, которые могут воспрепятствовать социальным действиям.

Это, однако, не означает, что для социологии психологический подход совсем не важен; просто его не следует рассматривать как основное понятие социального анализа, ибо объяснение социального явления – непосильная задача для бихевиоризма, даже для его когнитивного варианта. Когда заявляют, как это зачастую случается в социальной географии, что социальные явления можно адекватно анализировать с помощью бихевиористских исследовательских понятий, возникает масса проблем. С одной стороны, даже разработанная когнитивная форма бихевиоризма не может полностью включить в свою схему «реакции на стимул» интенциональное, символическое отношение к конкретным фактам. С другой, – любая бихевиористская аргументация вынуждена *принимать* социальные факты как данное, что и служит еще одной причиной того, почему эти аргументы так охотно сосредотачиваются на «пространстве» как на не вызывающей сомнений причине. Это показано на рис. 1: «социокультурные факты» принимаются как данное. Из этого можно сделать вывод о том, что теперь более чем очевидно: невозможно объяснить общество в бихевиористских понятиях. А посему бихевиоризм не может быть основанием для социального исследования¹².

Помимо этих общих возражений против бихевиористского социального исследования, я должен отметить также присущие ему определенную несостоятельность и методологические трудности. Бихевиористы иногда говорят о наблюдаемых индивидуальных решениях, которые упоминаются не только в связи с теориями о местоположении. Поскольку решения в принципе могут приниматься только в связи с определенной целью, бихевиористы используют здесь маневр, который не может быть логически выведен из основополагающих посылок их теории. В контексте бихевиоризма реакции на стимулы или на информацию могут быть описаны в целом как решения, если практическая целесообразность наблюдаемой реакции индивида «может быть объяснена как целенаправленная деятельность [...], приписываемая субъекту, способному принимать решения» (Habermas 1984: 12). Если бы бихевиористы захотели объяснить принимаемые решения, они должны были бы оставить на время свои теоретические основоположения и довериться теории действия (что, конечно, они вряд ли сделают, если только не пожелают сдвинуть свою парадигму в сторону интеллектуальной честности, а не академической выгоды).

Кроме того, бихевиористы проводят различие между действиями и мыслительной деятельностью исследователей (те, кто знает), с одной стороны, и исследуемыми объектами (те, кто не знает) – с другой; это и есть основное различие между бихевиоризмом и теорией действия. Можно ли тогда говорить, что исследовательская деятельность интенциональна, если в то же время несчастные исследуемые объекты скорее выдают реакции на стимулы, нежели выражают намерения делать то, что они делают? Конечно, можно сказать, что бихевиористы-исследователи тоже реагируют на стимулы (карьерное продвижение, зарплата), но это не помогает в разрешении проблемы, поскольку эти стимулы предполагают целеориентацию в одно и то же время¹³.

¹² Я рассматриваю эти эмпирические основополагающие допущения более подробно в нижеследующих двух главах.

¹³ Критический подход Мишеля (1981) несколько иной, хотя и сопоставимый с этим. Он отмечает, что ключевые понятия когнитивного бихевиоризма (желание, мотив, уровень ожиданий и т.д.) в основе своей носят интенциональный характер. Другими словами, когнитивный бихевиоризм подспудно описывает человеческое действие в понятиях интенции. Мишель настаивает на том, чтобы признать этот факт и, как следствие, использовать далее понятие «действие», а не «поведение».

Эти критические замечания можно направить и в адрес географов, стремящихся строить социальную географию на основании бихевиористской теории¹⁴.

Литература:

1. Alexander, H. G. (ed.) (1956) *The Leibniz-Clarke Correspondence*, Manchester: Manchester University Press.
2. Bartels, D. (1968) *Zur wissenschaftstheoretischen Grundlegung einer Geographie des Menschen*. Wiesbaden: Franz Steiner.
3. Bartels, D. (1970) „Einleitung“/ D. Bartels (ed.) *Wirtschafts- und Socialgeographie*. Köln: Kiepenheuer & Witsch
4. Derrida, J., (1978) *Writing and Difference*, Chicago: University of Chicago Press.
5. Girndt, H. (1967) *Das sociale Handeln als Grundkategorie erfahrungswissenschaftlicher Sociologie*. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck)
6. Gold, J.R. (1980) *An Introduction to Behavioral Geography*, Oxford: Oxford University Press.
7. Habermas, J. (1984) *The Theory of Communicative Action*. Tr. T. McCarthy. Vol. 1, Cambridge: Polity Press.
8. Harvey D. (1985) *The Urbanization of Capital: Studies in the History of the Capitalist Urbanization*. Oxford: Basil Blackwell.
9. Harvey D. (1989) *The Condition of Postmodernity. An Essay into the Origins of Cultural Change*, Oxford: Basil Blackwell.
10. Hettner, A (1927) *Die Geographie. Ihre Geschichte, ihr Wesen, ihre Methoden*. Breslau, Ferdinand Hirt.
11. Kant, I. (1802) *Physische Geographie*. D.F.Th. Rink (ed.). Königsberg: Gobbels und Unzer.
12. Lefebvre (1981) *La Production de l'espace*, 2nd edn., Paris: Edition Anthropos.
13. Luhmann, N. (1962) „Funktion und Kausalität“, *Kölner Zeitschrift für Sociologie und Socialpsychologie*, 14, 4: 617-644.
14. Mellor, D. H. (1981) *Real Time*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Mischel, Th. (1981) *Psychologische Erklärungen. Gesammelte Aufsätze*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
16. Mill, J. St. (1973) *A System of Logic*, ed. J. M. Robson and R. F. McRae, vol. VI, London: Routledge & Kegan Paul.
17. Nerlich, G. (1976) *The Shape of Space*, Cambridge: Cambridge University Press.
18. Popper, K. R. (1969) *The Open Society and its Enemies*, vol. 2, 5th edn, London: Routledge & Kegan Paul .
19. Prewo, R. (1979) *Max Webers Wissenschaftsprogramm. Versuch einer methodischen Neuerschliessung*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
20. Schütz, A. (1962) *Collected Papers*, vol.I, ed. and intr. M. Natanson, The Hague: Martinus Nijhoff.
21. Sklar, R. (1974) *Space, Time and Space-Time*. Berkeley: University of California Press.
22. Smart, J.J.C. (1964) *Problems of Space and Time*, London: Macmillan.
23. Walmsley, D. J. and Lewis, G.J. (1984) *Human Geography: Behavioral Approaches*, London/New York: Longman.

¹⁴ Относительно свежими примерами данного подхода могут служить работы Gold (1980), Walmsley and Lewis (1984).

24. Watson, J. B. (1970) Behaviorism, New York: Norton.
25. Weber, M. (1968) Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology, 3 vols. (ed. G. Roth and C. Wittich, tr. E. Fichoff et al.), New York: Bedminster Press.
26. Wright, G. H. v. (1971) Explanation and Understanding, London: Routledge & Kegan Paul.

*Перевод с английского
кандидата философских наук С.П. Баньковской*